Russia in the 20th Century: Reforms and Revolutions

In two volumes
Volume 2

Edited by
academician G. N. Sevostyanov

This volume is a continuation of the detailed academic research being carried out under the auspices of the project "Russia and Twentieth Century" by the combined efforts of an international group of historians. The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, initiated and organised this project at the end of the 1980s. As well as established Russian and foreign scholars, a younger generation of researchers also took part in this joint work, which is based on reports and papers presented by participants in the international academic conference "Reform and Revolution in Russia in the 20th Century". The conference took place in Moscow from 10th to 12th April 2001, and was supported by the Russian Humanities fund. In this book, historians consider transformations in the spheres of economics, politics, culture and religion, science and education, and demography, and they examine revolutionary processes and their effects on the fate of the country and its people, providing an evoluation of the last century of Russian history.

Moscow "Nauka"
2002

РОССИЯ В XX веке

Реформы и революции

В двух томах
Том 2

Под общей редакцией
академика Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВА

Москва «Наука»
2002

СТАЛИНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ "ЧУДО" ПОСЛЕ ВОЙНЫ
(1946–1953)

В.П. Попов

(Москва)

Под экономической политикой советского государства послевоенного времени понималась "деятельность социалистического государства по планомерному регулированию народного хозяйства, экономических отношений между людьми"[1]. Обычно подчеркивались такие черты этой политики, как ее научный характер, опирающийся на объективный закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил; достижение в качестве высшей цели роста благосостояния народа; научное формирование структуры производства, выраженное в том числе в умелом использовании достижений научно-технического прогресса; совершенствование форм и методов хозяйственного руководства; укрепление плановой дисциплины; единство целей партии и народа. Считается, что экономическая модель народного хозяйства, реализованная в России после Октября 1917 г., была не случайной, поскольку "представляла собой вариант отображения реальных экономических тенденций мирового развития в начале XX в."[2]

Но при этом не объясняется, почему в странах, переживавших в начале века ту же, что и Россия, модель экономического развития (Италия и Германия) в конце XX столетия достигнуты совершенно иные результаты в отличие от нас. При том, что все три страны пережили не только сходство экономической модели, но и авторитарных политических режимов, прошли через гражданскую и мировые войны. Следовательно, важны не только сходства, но и отличия, которые нуждаются в конкретно историческом изучении.

Важнейший результат экономической политики КПСС ныне определяется как "крах огосударствленной олигархической системы", а в качестве главной характеристики советской экономики называются ее "командный, директивно управляемый характер", "инерционно-экстенсивный характер с односторонним акцентом на тяжелой индустрии и военном производстве"[3].

Столь радикальная смена оценок свидетельствует: или экономическая политика, проводимая КПСС, не учитывала объективных законов и реалий экономической жизни страны и надстройка "обогнала" базис, превратившись в олигархическую систему (чего не заметили в 1970-е годы ведущие советские экономисты), или же советская теоретическая мысль серьезно разошлась с советской практикой, оставив за последней решающее слово. Итак, имеются все основания для изучения экономической политики советского государства с точки зрения ее *практической реализации*, которая единственная может поведать о действительных целях советской экономической политики.

В качестве объекта изучения выбраны наименее исследованные аспекты экономической политики второй половины 1940-х – начала 1950-х годов: проблемы демографии и материального положения городских и сельских слоев; денежная реформа 1947 г. и политика снижения цен; зерновое производство и крестьянские налоги; развитие промышленного производства и исполнение государственного бюджета. Сквозной темой взята оценка роли Сталина в проведении советской экономической политики. Данная статья обобщает большой фактический материал авторских работ[4].

Неразработанной остается методология проблемы, начиная с ключевого для нашей темы определения – что следует понимать под экономической политикой советского государства? Экономические цели советской политики, получившие закрепление в конституциях и иных программных документах новой большевистской власти, являлись по сути идеологическим прикрытием действительных целей советской правящей верхушки, интересы которой изначально противоречили интересам общества. Имела место обычная в политической истории подтасовка терминов.

Исторические факты свидетельствуют, что первым делом большевики создали аппарат насилия, который являлся непременным условием последующих социалистических преобразований в стране. Новый правящий слой стремился создать и новый общественный строй, радикально изменить условия хозяйственной жизни России. Центральным пунктом экономической программы большевиков стало обобществление всех средств производства, земли и иных природных богатств страны, передача их в руки советской бюрократии. Для сохранения своего господства они создали аппарат насилия, принципом работы которого являлось использование накопившихся в обществе противоречий. Действия этого аппарата были направлены на углубление раскола с целью полного и окончательного разрушения прежнего общества и в экономике, и в сознании людей. Перевод российской экономики с капиталистических на социалистические рельсы потребовал гораздо больше времени и жертв, чем оформление новых политических институтов. Последние – Политбюро, Совнарком, ВЦИК, ВЧК, ВСНХ и пр. – оформились уже в годы гражданской войны, а затем лишь совершенствовались и эволюционировали, принципиально не меняя своей сути. Экономический же базис был подведен только тогда, когда в ходе сплошной коллективизации большая часть населения страны – крестьянство – была

превращена в абсолютно зависимое от новой власти крепостное сословие – колхозников. После войны власть, обеспокоенная ростом антиколхозных настроений среди населения, усилила государственный террор в отношении народа; она по-прежнему хотела властвовать в стране бесконтрольно и безраздельно.

Все изложенное позволяет определить экономическую политику советского государства как поиск, налаживание и поддержание в нужном режиме специальных механизмов в экономике, которые гарантировали правящему слою стабильность господства над населением России и распространение своего владычества за пределы державы.

Коротко остановимся на тех, кого мы относим к правящему слою. Под последним мы подразумеваем определенную социальную среду – советскую бюрократию, которую рассматриваем с позиций политической социологии, т.е. с точки зрения отношений власти в обществе[5]. Бюрократ, по М. Веберу, это "обученный управлению чиновник", который "скрывает от критики свои знания и деяния". Советский бюрократ – это также такой чиновник – "профессионал", чья власть целиком зависит от обладания должностью, чиновник, который в своей деятельности руководствуется исключительно директивами центра, обязательными к безусловному исполнению, чиновник, в чьи прямые обязанности входит не только обеспечение и реализация этих верховных директив, но также сохранение социальной стабильности советского общества, из-за чего проистекает стремление избежать риска и ответственности при решении конкретных задач. Это также чиновник, объединенный себе подобными в достаточно однородную социальную среду, где пригодность каждого к данному слою определяется управленческим аппаратом на основе принципа индивидуального приема и индивидуальных результатов. Отметим еще одну особенность, которую хорошо понимал Сталин: советский чиновник в своей деятельности руководствовался директивами центра, а не законами, хотя именно последние закрепляли интересы всего общества[6]. Партийная директива была выше советского закона.

Сложным является вопрос о социальных границах правящего слоя, его высших, средних и низших этажах. К концу сталинского периода и началу хрущевского правления (конец 1953 г.) по основной номенклатуре ЦК КПСС числилось 13,3 тыс. человек. Это без учета номенклатурных работников центрального аппарата ЦК партии, Президиума Верховного Совета СССР и Совмина СССР, представляющих высший эшелон советской бюрократии. Еще 10,3 тыс. человек входили в так называемую учетно-контрольную номенклатуру ЦК, т.е. тех, кто в отличие от основной номенклатуры назначался и освобождался от должности не ЦК КПСС, а самими министерствами, ведомствами, обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик[7].

Итак, речь идет о 24 тыс. человек, составляющих, по нашему мнению, средний эшелон правящего слоя. Эта калька номенклатурных должностей накладывалась на все стороны жизни огромного государства – политическую, экономическую, культурную, военную. Именно эти должностные лица с помощью подчиненного им аппарата и на основе директив из центра осуществляли управление страной. Перечень номенклатурных должностей неоднократно пересматривался в сторону сокращения или увеличения; хотя назначение на номенклатурные должности утверждалось центральными органами, сама кандидатура являлась предметом торга, компромисса или "обмена" между различными ветвями власти и представителями господствующих элит[8].

Что касается вопроса о распространении правящим слоем СССР "своего владычества за пределы державы", то можно сослаться на послевоенную политику Сталина в странах "народной демократии", попавших в сферу советских интересов. Как показывают современные строго документированные исследования, создание Коминформа имело целью "ускорить претворение в жизнь плана установления монопольного контроля над собственной сферой влияния", создать в этих странах внутренние режимы, соответствующие советской модели развития[9].

Какова же была природа тех механизмов, которые решающим образом изменили не только хозяйственную жизнь страны, но и прежний облик российского общества? Рассмотрим некоторые из них.

Итак, главным способом изъятия средств у населения в пользу государства стал так называемый налог с оборота предприятий обобществленного, т.е. социалистического сектора, введенный правительством в 1930 г. Уплата налога производилась путем перечисления соответствующих сумм с расчетных счетов плательщика налога в учреждениях Госбанка на счет госбюджета. Итак, несмотря на то что налог с оборота взимался предприятием, все же он не составлял его дохода, так как автоматически перечислялся Госбанком в доход бюджета. Оборот, с которого взимался налог, исчислялся по продажной стоимости товаров. Для всех отраслей народного хозяйства и их предприятий устанавливалась особая ставка налога в процентном отношении к обороту. Ставки налога устанавливались государством *произвольно*, в зависимости от своих финансовых потребностей, и были столь значительны, что в несколько раз повышали фактическую цену товара. В основной массе налог с оборота поступал в общесоюзный бюджет. Наиболее высокими (от 50 до 80%) были ставки налога для отраслевых объединений, производящих вино, спирт, табак, сахар, спички. Уже в 1933 г. налог с оборота составлял 58% всех поступлений в госбюджет страны и около 50% в послевоенный период. Если в годы нэпа государство едва сводило концы с концами, то, начиная с 1930 г., госбюджет не имел де-

фицита. По своей природе налог с оборота являлся не прямым налогом с предприятий социалистического сектора, как это утверждала советская пропаганда, а косвенным налогом на покупки и охватывал всех граждан страны при покупке любых товаров. Однако бюджет страны, основанный преимущественно на косвенных налогах с населения, т.е. на ценовом произволе и поборах, не мог являться надежной базой развития промышленности. Произвольно повышая ставки налога, правительство изымало у народа многомиллиардные суммы. В результате, с одной стороны, быстро увеличивалась доходная часть госбюджета, а с другой – столь же стремительно росло обнищание людей.

Еще одним примером механизма принуждения являлась колхозная система. Примерный устав сельскохозяйственной артели стал основным законом жизни для колхозной деревни и этот закон целиком служил интересам государства, игнорируя личные устремления и нужды деревенских жителей. Формально земля, средства производства (рабочий скот, сельхозинвентарь, семена, корма и пр.) находились в коллективном пользовании артели и должны были, по замыслу создателей устава, "обеспечить таким образом лучшую жизнь колхозников". Фактически артель обязывалась вести свое коллективное хозяйство в полном соответствии с навязываемыми сверху государственными планами и сдавать по обязательным поставкам большую часть выращенной сельхозпродукции за бесценок (по произвольно установленным низким ценам). Это в равной степени касалось и продукции колхозов, и продукции личных хозяйств граждан. Помимо экономического бесправия колхозная система узаконивала и личное бесправие деревенских жителей, лишенных паспортов и возможности свободного выбора работы и места жительства. Колхозы были лишь пунктами прикрепления людей, а паспортная система сделала возможным само прикрепление[10]. И, наконец, колхозная система основывалась на принудительном труде своих работников, которые не только насильственно прикреплялись к колхозным работам, но и не получали за свой труд полноценной оплаты, так как размер последней целиком определялся тем остатком, который распределялся на трудодни после выполнения всех обязательств колхоза перед государством. Зачастую власть произвольно, не считаясь с природными и экономическими условиями хозяйствования колхозов, повышала плановые задания и нередко по трудодням даже нечем было платить.

Это была целиком, по всем правилам, оформленная, невиданная по жестокости система государственного крепостничества.

Продукция, изымаемая из деревни с помощью колхозной системы, составляла дешевую сырьевую базу промышленности, позволяла государству сосредоточивать в своих руках огромные средства, которые шли на первоочередное развитие тяжелой промышленности. Таким путем был не только создан бесперебойный механизм

перекачки средств и сырья из сельского хозяйства в промышленность, но и принципиально решена проблема трудовых ресурсов: часть сельского населения закреплялась за колхозами в пожизненное пользование; другая – через систему оргнабора постепенно, по мере надобности, вовлекалась в промышленное производство.

Важнейшими чертами советской экономики, характерными для периода индустриального рывка[11] и военного времени были следующие: вложение средств, полученных за счет сельского хозяйства и налогов с населения, в промышленность (в первую очередь в военно-промышленный комплекс); признание базовых отраслей промышленности приоритетными; полное отсутствие заинтересованности в прибыли хозяйственных субъектов; полный приоритет производства над потреблением и абсолютизация этого принципа; драконовское трудовое законодательство; достижение в качестве одной из главных целей экономической политики наиболее полной хозяйственной автаркии, т.е. замкнутой самообеспечивающейся экономики; накопление колоссальных стратегических ресурсов за счет резкого сокращения потребления и снижения материального уровня жизни населения.

Пятилетний план, принятый по докладу председателя Госплана СССР Н. Вознесенского, предусматривал восстановление довоенного уровня промышленного производства уже в 1948 г., а к концу пятилетки его превышение на 48%. В докладе Вознесенского отмечалась необходимость первоочередного восстановления и развития тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, создания в стране "обилия основных предметов потребления" для обеспечения материального благополучия народов СССР, достижения технического прогресса во всех областях, повышения обороноспособности страны[12].

Возможно, если бы кремлевскому руководству удалось достигнуть решения обеих стратегических задач – поднять уровень довоенного производства в полтора раза и, наряду с этим, уровень народного дохода и потребления, у советской системы имелись бы исторические шансы выиграть спор со своим основным конкурентом послевоенного времени – США. Однако наше правительство не собиралось пересматривать основы советской экономической системы периода индустриального рывка и военного времени.

Об этом убедительно свидетельствует речь Сталина перед избирателями, произнесенная 9 февраля 1946 г., в которой изложены итоги закончившейся войны, дана оценка политике партии, намечены планы на ближайшее будущее. Сталин придавал большое значение своей речи, о чем свидетельствуют материалы его личного архива. Итак, подготавливая в 1952 г. эту речь к новому изданию отдельной брошюрой, Сталин дал указание Поскребышеву выделить жирным шрифтом те предложения из речи, которые помогли бы читателю понять, при помощи какой политики коммунистической

партии удалось правильно использовать материальные возможности страны для развертывания военного производства и снабжения Красной Армии необходимым вооружением[13]. Весь тон сталинской речи сводится к подчеркиванию преимуществ советского общественного строя перед несоветским, строя, который "выдержал испытания в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность". Тем самым всем давалось понять, что будущее переустройство мира будет проводиться под эгидой Советского Союза и что за образец должен быть взят не только советский общественный, но и экономический строй.

В связи с этим понятно, почему Сталин в своей речи считал необходимым подчеркнуть, что советский метод индустриализации коренным образом отличался от капиталистического, поскольку индустриализация СССР начиналась не с легкой, а с тяжелой промышленности. Тем самым еще раз подтверждалась неизменность довоенного курса на первоочередное и преимущественное развитие тяжелой промышленности. Упоминание Сталиным в февральской речи 1946 г. коллективизации как составной части политики партии по созданию материального базиса социалистического общественного строя также должно было подтвердить незыблемость колхозной системы. В конце речи, обосновывая необходимость поднять в перспективе уровень отечественной промышленности втрое по сравнению с довоенным уровнем, Сталин прямо заявил, что только при этом условии можно считать страну гарантированной "от всяких случайностей"[14].

Трехкратное увеличение объемов промышленного производства должно было, по мнению вождя, занять "три новых пятилетки, если не больше". При такой стратегии проблема темпов экономического роста выдвигалась в разряд первоочередных. Следует также учесть, что борьба СССР за мировую гегемонию обусловливала достижение максимально высокого прироста промышленной продукции. Величина прироста задавалась уровнем промышленного развития западных стран. Чтобы выдержать экономическую конкуренцию как необходимое условие удержания политической власти в стране, советское руководство было вынуждено утверждать плановые показатели отечественной промышленности на пределе возможного, неизбежно каждый раз склоняясь в сторону плана-максимума и заведомо смиряясь с неизбежным срывом в отдельных отраслях. Поэтому советские пятилетки никогда не достигали в полном объеме показателей, заданных плановыми цифрами. Эта хроническая болезнь преследовала советскую экономику и в послевоенные годы[15].

Факты невыполнения плановых заданий по отдельным, зачастую ведущим отраслям промышленности, были обычным явлением для советской экономики, но они, как показал опыт предвоенных пятилеток и войны, не оказывали решающего воздействия на исход

экономического противостояния СССР с капиталистическими странами. Более того, до тех пор, пока основа советского народного хозяйства – тяжелая промышленность и военно-промышленный комплекс – развивалась более быстрыми темпами, чем промышленность ведущих капиталистических стран, Советский Союз в перспективе мог надеяться на окончательную победу нового общественного строя во всем мире[16]. Что же было достигнуто в СССР в результате послевоенного промышленного рывка?

В отчетном докладе ЦК на XIX съезде партии (октябрь 1952 г.), с которым выступал Г.М. Маленков, приводились только данные о более высоких темпах роста промышленного производства СССР в сравнении с западными странами за 1939–1951 гг. Вопрос об уровне национального дохода – главном показателе могущества державы – и о его приросте за послевоенные годы Маленковым не освещался. Между тем, индекс валового национального продукта (ВНП) за 1938–1950 гг. вырос в США в 1,8 раза, а в Советском Союзе – лишь в 1,3 раза, хотя темпы роста ВНП за 1948–1950 гг. в СССР превысили американские. Докладчик сознательно умалчивал, что ВНП Соединенных Штатов в 1950 г. значительно превышал суммарный ВНП таких вместе взятых стран, как Франция, ФРГ, Великобритания, Италия и Япония; что в США за счет высокой производительности труда и столь же значительного развития сельского хозяйства был самый высокий уровень заработной платы и, наконец, что все эти факторы способствовали качественно иному росту потребления.

В СССР, как затем будет показано, уровень потребления населения искусственно удерживался государством на очень низком уровне, что позволяло руководству страны вкладывать дополнительные средства в промышленное производство.

Итак, после войны были сохранены основные черты советской экономической модели, сложившейся в СССР в предшествующие годы. Как было показано на исторических примерах, в Советском Союзе экономическая политика всегда играла вспомогательную роль для политического строительства. *Поэтому мы рассматриваем экономическую политику лишь как средство обеспечения политического господства советской номенклатуры.* Чтобы прикрыть узкие и своекорыстные цели достижения абсолютного господства, власть была вынуждена прибегать к идеологической маскировке, отождествляя свои интересы с интересами многомиллионной страны и выдвигая в качестве стратегической задачи построение социализма в СССР. Более того, война чрезвычайно усилила роль аппарата власти, привычку решать большинство возникающих экономических проблем силовыми, административными средствами. В рабочих записях Сталина, относящихся к подготовке проекта новой программы партии (лето 1947 г.), имеется следующее важное положение: "*В области политического строительства*: сохранить и уси-

лить советское государство с его армией, с его органами разведки и администрации, – пока существует капиталистическое окружение"[17]. В этих словах нет уже ничего общего с теми пунктами второй программы партии, принятой VIII съездом (март 1919 г.), в которых говорится о постепенном вовлечении в работу по управлению государством "каждого члена Совета" и "всего трудящегося населения поголовно"; о том, что всестороннее проведение этих мер, наряду с упрощением функций управления и повышением культурного уровня трудящихся, приведет "к уничтожению государственной власти". Не случайно эти страницы программного документа партии испещрены сталинскими подчеркиваниями и символичными пометами на полях – "не то"[18].

Именно военный опыт государственного строительства, успешная деятельность чрезвычайных органов – Государственного Комитета Обороны, Совета по эвакуации, спецкомитетов и особых комитетов правительства – окончательно убедили Сталина в неизменности его приоритетов во внутренней и во внешней политике. Таким главным и основным приоритетом должен был быть аппарат власти во главе со Сталиным. Именно личная власть вождя над всеми, в том числе и в первую очередь над аппаратом власти, и составляла, по мнению Сталина, государственную власть. Мнение самого аппарата по этому принципиальному вопросу было иным. Сподвижники вождя не хотели мириться с вождизмом как непременным атрибутом сталинской власти. Не случайно в знаменитом докладе Хрущева на XX съезде "О культе личности и его последствиях" была фраза о том, что "Сталин все больше и больше перестал считаться с членами ЦК партии и даже с членами Политбюро. Сталин полагал, что он может теперь сам вершить все дела, а остальные нужны ему как статисты". Сталин не только "полагал", но и вершил все дела сам, но высшее чиновничество страны не смирилось с ролью статистов[19].

Поэтому с полным основанием можно утверждать, что все послевоенные политические процессы, независимо от их направленности, масштабов, количества вовлеченных в них лиц и официальных обвинений по сути своей были утверждением принципов вождизма на практике.

Еще одним важным фактором, во многом определяющим экономическую политику в послевоенный период, стала борьба СССР с США за мировую гегемонию. В уже упоминавшихся материалах к проекту новой программы партии против текста, характеризующего послевоенную борьбу США за мировое господство, Сталин оставил следующую интересную запись: «Теория "*космополитизма*" и образования *Соед. Штатов Европы* с единым пр-вом. "Мировое правительство"»[20]. Эта помета весьма полно характеризует, *как* Сталин воспринимал послевоенную расстановку сил на мировой арене, *чем* объяснял необходимость борьбы с внутренним и внешним врагом, *почему* был убежден в необходимости дальнейшего укрепления аппарата власти, в том числе власти личной.

Важной корректировке подверглись Сталиным и некоторые более ранние партийные экономические установки. Так, в одном из проектов новой программы партии, представленном Митиным и Юдиным и едва ли не единственно удостоенном внимания среди всех представленных ему проектов, Сталин против слов о том, что "решающей экономической задачей СССР для перехода к коммунизму является задача догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны мира, в том числе США" начертал свое знаменитое "не то"[21].

Как же понимал Сталин перспективы развития страны в будущем? До некоторой степени ответ на этот вопрос содержится в материалах экономической дискуссии, проведенной в 1951 г. в связи с оценкой проекта учебника политической экономии. После получения материалов дискуссии Сталин подготовил свои замечания по экономическим вопросам, которые предназначались авторскому коллективу учебника и ряду ведущих экономистов страны. 15 февраля 1952 г. состоялась беседа членов Политбюро – Сталина, Булганина, Берии, Маленкова, Молотова, Микояна, Кагановича и Хрущева – с видными советскими учеными З.В. Атласом, Л.М. Гатовским, Л.А. Леонтьевым, М.В. Нечкиной, К.В. Островитяновым и др.[22]

Первоначально Сталин был против публикации своих замечаний, считая возможным их издание после выхода учебника в свет. Однако затем, в немалой степени из-за нежелания отдельных экономистов и политиков солидаризироваться с линией вождя, изменил свое прежнее решение. Накануне XIX съезда партии "Замечания...", а также еще три сталинские работы – "Ответ т-щу Ноткину А.И.", "Об ошибках т. Ярошенко Л.Д." и "Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г." – были опубликованы в газете "Правда" и журнале "Большевик". Все эти работы были затем объединены и изданы отдельной брошюрой под общим заголовком "Экономические проблемы социализма в СССР". 14 октября 1952 г. по докладу Хрущева единогласно принимается резолюция съезда о переработке программы партии: при этом комиссии по подготовке проекта программы следовало руководствоваться сталинской брошюрой.

В своих мемуарах Микоян сообщает, что он отказался славословить работу вождя из-за принципиальных расхождений во взглядах со Сталиным по вопросу о роли товарооборота как средства обмена в социалистическом обществе. Микоян также замечает, что считал преждевременной реализацию сталинской идеи о необходимости перехода от торговли к продуктообмену. Дальнейшее изменение своей позиции на XIX съезде партии в пользу сталинской точки зрения Микоян объяснял в мемуарах боязнью оказаться в политической изоляции и грозящей ему репрессией со стороны вождя[23]. Действительная причина представляется нам более прозаической: пере-

ход от торговли к продуктообмену (о котором, кстати, Сталин говорил в осторожной форме), будь он осуществлен в масштабе государства, подорвал бы влияние и финансовую мощь той части хозяйственной олигархии, интересы которой Микоян выражал как член Политбюро, курирующий торговлю. Было бы наивным полагать, что высшие чиновники страны стояли в стороне от тех материальных выгод, которые приносила каждая из подведомственных им отраслей, – чем более важное место занимала та или иная отрасль в народном хозяйстве страны, тем, соответственно, весомее был политический ранг ее куратора и материальные рычаги, существующие в его распоряжении для борьбы за власть. Конфликт между Сталиным и Микояном, как и многие конфликты членов сталинского Политбюро с "хозяином", далеко выходил за рамки личностных отношений. Это был конфликт, порожденный действующей системы власти – вождизмом, но проявлявшийся, в том числе, и в хозяйственной области.

Что конкретно предлагал Сталин в отношении продуктообмена? Вот суть его предложения, высказанная на уже упомянутой встрече 15 февраля 1952 г.: "Артель требует товарооборота, пока, по крайней мере, она не допускает продуктообмена, тем более, она не допускает прямого распределения (продуктообмен – это все-таки обмен, а прямое распределение – это распределение по потребностям). Пока еще существует товарное производство, купля-продажа, с ними надо считаться. Артель связана с куплей-продажей, а прямое распределение будет на второй фазе коммунизма. Когда сельскохозяйственная артель перерастет в коммуну трудно сказать... Надо приучать колхозников, чтобы они больше думали об общественном деле. Сейчас колхоз ничего кроме своего хозяйства знать не хочет. Сейчас нет объединения колхозов в масштабе районов и областей. Не следует ли пойти здесь сверху на создание общенародного хозяйственного органа, учитывающего продукцию города и деревни. Начать здесь нужно с учета продукции как госпредприятий, так и колхозов, а потом перейти к распределению сначала лишь излишков продукции. Надо установить фонды, которые не распределяются и фонды, подлежащие распределению"[24].

Сталин, как владыка огромной страны, в перспективе планировал создание единой централизованной системы, которая объединяла бы не только все производство, но и организовывала бы последующее распределение *всех* материальных благ в стране, произведенных не только сельским хозяйством, но всеми отраслями без исключения, без всякого посредничества (купли-продажи) хозяйственных субъектов. Для решения этой поистине грандиозной задачи, превосходящей масштабом индустриализацию и коллективизацию вместе взятые, форма объединения крестьян в колхозы была уже непригодна. И для села, и, видимо, для города была необходима одна форма – коммуна – новый, единый тип общественно-производственных

отношений в Советском Союзе. С позиций Микояна, это был "невероятный левацкий загиб", со сталинской точки зрения – генеральный путь развития, реальная перспектива, единственно возможная форма выживания советской системы в будущем.

В условиях конфронтации с Западом, внутренних подвижек внутри страны, связанных с надеждами народа на улучшение условий жизни после тяжелой войны, на возрождение прежней роли индивидуальных крестьянских хозяйств, любое отступление от прежней, зарекомендовавшей себя модели экономического развития, было чревато для власти непредсказуемыми последствиями. Однако в новых условиях послевоенной расстановки сил на мировой арене существовавшая в СССР система экономических отношений была, по мнению Сталина, далека от идеальной. Ее совершенствование должно было вестись не на путях следования капитализму, а на собственной социалистической основе. Поэтому товарное производство, даже в ограниченных условиях социалистической системы, поощрение "частнособственнических инстинктов крестьян", половинчатая в сравнении с коммунами колхозная система и многое подобное – не приближали, а отдаляли от достижения главной сталинской цели – создания идеальной государственной машины.

Жестоко наказывая одного из участников экономической дискуссии 1951 г., Ярошенко[25], Сталин тем самым предупреждал всех, что не потерпит поборников внедрения в экономику методов, расшатывающих государственную централизацию, тех, кто своими идеями ставил под сомнение монопольное право на абсолютный контроль за производством и распределением всего и вся в стране.

Как показал предшествующий анализ, на рубеже 1940–1950-х годов Сталин пришел к важному выводу о необходимости существенной корректировки главной экономической задачи, поставленной перед страной XVIII съездом партии – догнать и перегнать главные капиталистические страны по размерам промышленного производства на душу населения. В июле 1952 г. он получил проект директив 5-го пятилетнего плана на 1951–1955 гг. от комиссии в составе Молотова, Кагановича, Микояна, Сабурова и Бенедиктова. В проекте формулировка главной экономической задачи была дана комиссией в довоенной редакции, которую Сталин зачеркнул и прокомментировал так: "Это старо! Ха-ха". В новой сталинской редакции было написано: "Выполнение пятилетнего плана явится крупным шагом вперед по пути от социализма к коммунизму"[26]. Отныне для Сталина задача "догнать и перегнать" становилась средством достижения цели, некоей, как он выражался, "меркой экономической мощи страны". Стабильное выполнение пятилеток гарантировало социалистической системе материальную базу для развития, но предметом первостепенной заботы вождя, его главной целью становилось создание идеальной государственной машины, способной регулировать все природные и общественные процессы, включая экономические. Как один из

главных создателей этой машины, Сталин реально представлял механизм ее функционирования, знал ее сильные стороны, не закрывал глаза на слабые. Он имел полную информацию о людских и материальных ресурсах, их потерях, связанных с войной, о расшатанной финансовой системе и невиданном со времен нэпа росте рыночной торговли в стране, которая угрожала основам советской экономики, знал об огромном размере партийно-советского государственного аппарата, также о настроениях населения и надеждах на смягчение режима. Тем не менее он сделал ставку не на реформы, а на дальнейшее укрепление государственной машины. Он избрал репрессии в качестве главного средства воздействия на людей.

Важной мерой финансовой стабилизации экономики стала денежная реформа 1947 г. Война привела к невиданному росту расходов на оборону и, естественно, что одним из способов покрытия этих расходов стала эмиссия: с начала войны по январь 1946 г. было выпущено в обращение 55,4 млрд руб., т.е. денежная масса увеличилась по сравнению с предвоенным периодом в 4 раза. В правительстве понимали, что денежная реформа должна быть приурочена к полной отмене карточной системы. Комиссия по денежной реформе была создана решением Политбюро в мае 1947 г., когда принципиальные вопросы (о характере реформы, времени ее проведения и пр.) были решены Сталиным и министром финансов СССР А. Зверевым. Зверев использовал для подготовки проекта и материалов к нему всего несколько человек из своего аппарата.

Так, в мемуарах министр сообщает, что еще в декабре 1943 г. Сталин дал ему ряд директив, которые должны были определить финансовую политику СССР после войны: следовало восстановить довоенную прочность финансовой базы и организовать финансовую систему таким образом, чтобы она была способна обслуживать неизбежный рост общих расходов после войны, ежегодное увеличение госбюджета. Население страны, на которое падало основное бремя возросших расходов, должно было быть уверено в том, что принесенные им в ходе восстановления народного хозяйства жертвы – последние[27]. Это требование Сталина о "последних" жертвах народа – характерный штрих для оценки мировоззрения советских вождей, которые, чтобы сделать свою политику более эффективной, нуждались в одобрении этой политики со стороны населения даже тогда, когда эта политика не несла людям ничего, кроме усиления их эксплуатации.

Практически все документы из фондов Политбюро, Минфина, Госбанка, посвященные денежной реформе, датируются не ранее 8 января 1946 г. Зверев сообщает, что из-за необходимости соблюдения полной секретности запланированного мероприятия, документально не оформлялось даже решение Политбюро (декабрь 1944 г.), на заседании которого он изложил подробный план денежной реформы.

Предложения министра финансов прямо подразумевали изъятие миллиардных денежных сумм у сельского товаропроизводителя, доходы которого квалифицировались как "конъюнктурные", следовательно, незаконные с точки зрения советской власти. По ориентировочным расчетам Минфина, накануне войны денежные остатки городского населения достигали 7,3 млрд, а сельского – 7,0 млрд руб. В 1945 г. соответствующие суммы составляли уже 19,5 млрд и 34,2 млрд руб. В июне 1946 г. Зверев представил Сталину проект постановления Совмина СССР о денежной реформе. Ее основные положения сводились к установлению сроков проведения реформы (IV квартал 1947 г.) и соотношения обращающихся денежных знаков на новые образцы 1947 г. из расчета "за каждый рубль в денежных знаках нынешнего образца – 20 копеек в денежных знаках нового образца". Помимо этого, предусматривалось провести конверсию государственных займов, распространяемых среди населения. Предлагалось также впредь до проведения денежной реформы прекратить какое-либо повышение заработной платы и расценок, а также заготовительных цен на сельхозпродукты. Одновременно с обменом денег планировалось провести по указанному соотношению пересчет вкладов населения в сберкассах.

Предложение Минфина производить обмен в соотношении 5:1 показывает, что реформа должна была проводиться целиком за счет населения.

Денежная реформа осуществлялась на следующих основаниях. Старые деньги обменивались на новые по соотношению 10:1, т.е. Сталин решил вдвое увеличить бремя реформы для населения. По данным Госбанка, правительству путем ряда мер удалось сократить количество денег в обращении к началу реформы с 63,4 млрд до 43,6 млрд руб. Обмен денег проводился по всей территории СССР с 16 по 22 декабря 1947 г. Было обменено старых денег 37,2 млрд руб., около 6 млрд руб. погибло в годы войны и не было предъявлено к обмену. После проведения обмена, по сведениям Госбанка, на руках у населения осталось около 4 млрд руб., а общее количество денег, выпущенных в обращение на конец 1947 г., составляло 14 млрд руб.

Итак, государство достигло желанной финансовой стабилизации, но ценой ограбления народа. Общий объем денежной массы в обращении после реформы был значительно меньше соответствующего показателя накануне войны, тогда как объем государственного и кооперативного розничного товарооборота, а также фонда зарплаты и пенсий были почти вдвое больше, чем в 1940 г. Еще одним значимым для государства успехом, достигнутым за счет реформы, стало уменьшение роли рыночных доходов в общей сумме денежных доходов не только городского, но и сельского населения. Одновременно повысилось значение заработной платы и других доходов, получаемых населением от государственных и кооперативных организаций.

Однако это была временная победа правительства. Изъятие у населения денег привело к сокращению объема розничного товарооборота в 1948 г. в сравнении с предшествующим годом. Помимо этого, государство должно было проводить значительную эмиссию для того, чтобы восполнить необходимые размеры переходящих остатков денежных сбережений у населения, а также в кассах предприятий и организаций, подвергшихся уценке при проведении реформы. Значительной была эмиссия и в 1949, и в 1950, и в 1951 гг. (денежная масса в стране увеличилась за 1948–1951 гг. с 23,8 млрд до 34,0 млрд руб., т.е. в 1,4 раза). Свидетельством полного недоверия значительной части населения к финансовой политике правительства служит тот факт, что после реформы крупные денежные накопления сельского населения находились преимущественно на руках, тогда как горожане хранили их в основном в сберкассах и меньшую часть на руках.

Помимо обмена денег, была проведена переоценка вкладов населения, которая уменьшала общую сумму всех вкладов на 3,6 млрд рублей, которые составили чистый доход казны.

Наибольшую выгоду в ходе реформы государство намеревалось получить от обмена облигаций конвертируемых займов, так как в связи с выпуском военных займов, государственный долг по займам увеличился с 39 млрд до 125 млрд руб. Предполагалось, что в результате конверсии общий государственный долг по всем займам, размещенным по подписке среди населения, а также колхозов и кооперативных организаций снизится с 158,8 млрд до 58,8 млрд руб.

Дополнительный доход – около 3 млрд руб. – принесла государству переоценка счетов кооперативных организаций и колхозов.

Таким образом, можно с полным основанием констатировать, что денежная реформа носила в целом конфискационный характер, ее главное острие направлялось против частных сельских товаропроизводителей, в которых правительство увидело угрозу своему монопольному положению на внутреннем рынке. В январе 1948 г. Зверев представил Сталину доклад об итогах реформы. "Реформа позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, – сообщал министр, – излишние деньги изъяты из обращения. Ликвидированы крупные накопления, образовавшиеся у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляции. Сокращен государственный долг и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета"[28].

Одновременно с денежной реформой проводилась отмена карточной системы. Продовольственные и промышленные товары стали продаваться в открытой торговле по единым государственным розничным ценам. Например, цены на хлеб и крупы устанавливались на 10–12% ниже пайковых, на другие продовольственные товары – на уровне пайковых; на промышленные товары – повышались в сравнении с пайковыми, но были ниже коммерческих примерно в 3 раза[29]. В последующем правительство неоднократно снижало государственные розничные цены на продукты массового потребления. Цены снижались также в 1949–1952 гг. Трудно найти какую-либо иную акцию советского правительства, которая принесла бы ему столь ощутимые идеологические дивиденды у населения страны, как снижение цен. Именно эта политика, по мысли советского вождя, должна была наглядно продемонстрировать всему миру неусыпную заботу правительства об улучшении жизненного уровня в СССР. Откуда государство брало многомиллиардные суммы, чтобы ежегодно снижать цены, какой механизм был приведен в действие?

Механизм снижения был основан на том, что государство изымало продукцию сельского хозяйства по низким заготовительным ценам через систему обязательных поставок с колхозов и личных хозяйств граждан, а продавало ее по относительно высоким розничным ценам. Так достигалось сразу несколько целей. Во-первых, полученные за счет труда деревни таким способом деньги правительство перераспределяло в пользу промышленности, что составляло основу "политэкономии социализма". Во-вторых, изъятие из деревни продуктов, необходимых для пропитания самого сельского населения, заставляло последнее непрерывно трудиться в колхозах и личных хозяйствах и потому гарантировало государству непрерывность государственных поставок. Понимая, что в силу жизненной необходимости крестьянин вынужден выращивать продукцию на приусадебном участке, жестко регламентированном в размерах, государство обложило его сразу двумя налогами: натуральным (обязательные поставки мяса, шерсти, молока, яиц и пр.) и денежным, выплачиваемым с 1939 г. по прогрессивным ставкам. С одной стороны, с отменой карточной системы розничные цены на сельхозпродукты снижались, что влекло за собой автоматическое снижение цен на колхозных рынках, а с другой – размеры денежных налогообложений после войны постоянно повышались. Реформа повлекла за собой не менее чем двукратное снижение рыночных цен на основные сельхозпродукты (картофель, мясо, молоко). И каждое последующее снижение государственных розничных цен скачкообразно понижало цены колхозных рынков.

Таким образом, "ножницы" между регулярным снижением рыночных цен и столь же регулярным повышением денежных налогов – механизм, искусственно созданный государством, – приводил к такому положению, что продажа продуктов, произведенных в личных хозяйствах (ее физические объемы), из года в год увеличивалась. Поскольку в начале 1950-х годов около четверти всех колхозов страны вообще не выдавали денег по трудодням, а в 30% колхозов выдача на 1 трудодень не превышала 40 коп., продажа продуктов на рынке часто была для сельского населения единственным способом добывания денег для уплаты налогов и займов. Следовательно, снижение цен проводилось целиком за счет деревни, за счет

перенапряжения ее сил и резкого ухудшения материального положения.

Снижение цен, при котором сельское население заведомо ставилось в униженное положение по отношению к городским жителям, прямо выигрывавшим от этой меры, приводило к дополнительному разобщению советского общества, служило еще одним доказательством социального третирования крестьянства.

Вся послевоенная советская пропаганда представляла снижение цен как "чистый убыток для государственного бюджета и чистый выигрыш для населения". Согласно пропагандистским установкам, покрытие государственных убытков осуществлялось благодаря "росту производительности труда, подъему производства товаров массового потребления, снижению себестоимости продукции".

Действительно, нельзя полностью отрицать воздействие этих факторов на снижение цен. В своем объяснении правительство "забыло" указать главный источник сверхдоходов – разницу между закупочными ценами на товары массового потребления и сырье для них, и государственными розничными ценами, т.е. ту самую разницу, которая, по признанию правительства, составляла сотни миллиардов рублей и которую правительство, пользуясь своим монопольным положением на внутреннем и внешнем рынке, клало себе в карман, а затем незначительную толику выделяло народу.

Расчеты, сделанные Минфином в 1952 г. показывают, что вся сумма снижения цен на промтовары за 1948–1952 гг. составляла 1/5 от суммы снижения цен на продовольственные товары. И здесь есть одно важное пояснение. В структуре розничного товарооборота доход государства от продажи водки составлял: в 1940 г. – 8,4%, в 1947 г. – 13,0%, в 1948 г. – 9%. В то же время производство водки за указанные годы (в млн дкл) составляло соответственно: 92,4; 41,4 и 33,8. Производство водки в стране за 1940–1948 гг. сократилось в 2,7 раза, а удельный вес дохода в розничном товарообороте даже несколько превысил довоенный показатель. В послевоенный период в связи с тем, что народ стал меньше потреблять водки (увеличив расходы на покупку кондитерских изделий, ширпотреба и пр.), произошло снижение цен на нее на 56,7%. Установление размеров снижения цен на водку стало предметом специального обсуждения этого вопроса на Политбюро в мае 1949 г. именно в связи с сокращением ее потребления. Снижение цен на алкогольные напитки должно было, по расчетам правительства, увеличить их реализацию в натуральном выражении и тем компенсировать снижение цены. За 1947–1949 гг. производство водки в СССР увеличилось с 41,4 млн до 60,0 млн дкл, т.е. почти в 1,5 раза, а цена 0,5 л водки снизилась с 60 до 30 руб. Так, государство, стремясь сохранить бездефицитный бюджет, спаивало народ. И эта была еще одна "тайна" советской экономики, о которой не любила распространяться советская пропаганда.

В отечественной экономической литературе денежной реформе 1947 г. дана, на наш взгляд, завышенная оценка[30]. Это происходит потому, что анализ проблемы проводится без учета действительных целей экономической политики Сталина. Мы показали прямую зависимость между снижением цен, осуществляемых правительством целиком за счет сельского товаропроизводителя, и стабильностью советского рубля. Денежная реформа нанесла сильный удар по рыночным отношениям. В военные годы общий денежный оборот колхозного рынка вырос в 7 раз в сравнении с довоенным и в 1,7 раза превзошел государственный розничный товарооборот. Масштабы рыночной торговли были столь велики и всеобъемлющи, что целиком опровергали мнение о советской экономике как основанной на "социалистической системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства" (статья 4 Конституции СССР 1936 г.). Именно в ответственные исторические моменты социальная система и соответствующий ей экономический базис демонстрируют максимум возможностей. Из приведенных цифр видно, что не социалистический, а частный сектор вышел на первое место по обеспечению населения потребительскими товарами в годы войны. Войну выиграли не благодаря колхозам, а добывая пропитание с личных огородов. Государство мирилось с рынком как с неизбежным злом и делало это только потому, что война наглядно продемонстрировала правительству ненадежность общественных хозяйств как основного продовольственного базиса страны. Отсюда – страх перед рынком, стремление быстрее обуздать его, что и проявилось в послевоенной политике государства во время проведения денежной реформы и последующего снижения цен. Рынок побороли, но росла и эмиссия, причины которой виделись правительству в "невыполнении плана розничного товарооборота и превышении фонда зарплаты". Снижение цен – это попытка государства стимулировать розничный товарооборот, но денежные доходы населения были столь незначительны, что люди были вынуждены сознательно ограничивать свое потребление. Это несоответствие между производством и потреблением, а точнее, стремление государства создать производство почти без потребления – было еще одной ахиллесовой пятой советской экономики.

В подтверждение приведем несколько характерных примеров. Согласно бюджетным обследованиям, семьи рабочих Москвы – "витрина" достижений социалистического общественного строя – и до войны, и после нее по многим важнейшим продуктам питания (мясо, рыба, сахар, овощи) едва получали половину полагающейся физиологической нормы потребления. А ведь ЦСУ в бюджетных обследованиях учитывало не только продукты, купленные в государственной и кооперативной торговле, на колхозном рынке, но и те, что были получены рабочей семьей от личного хозяйства (огорода). Речь, следовательно, идет о максимуме всех поступлений продуктов.

Наибольший удельный вес в продуктовой "корзине" рабочей семьи занимали хлеб и картофель. И если потребление хлеба несколько снизилось в 1950 г. в сравнении с довоенным, то, наоборот, потребление малопитательного, но зато дешевого картофеля возросло на треть. И, как и хлеб, это был единственный из всех продуктов, фактическое потребление которого превышало физиологическую норму. По расчетам Минфина СССР, прожиточный минимум в Москве осенью 1948 г. составлял 1933 руб. (на человека в месяц). Такой среднемесячной зарплаты, которая бы обеспечивала указанный прожиточный минимум, в СССР не имел в те годы ни один даже самый высокооплачиваемый рабочий. В Вашингтоне соответствующий показатель в 1948 г. составлял 251 доллар.

Как же государство распоряжалось народными средствами, полученными в результате труда миллионов людей? Финансовая стабилизация, достигнутая в ходе проведения денежной реформы, создала необходимые условия для ускоренного восстановления и развития промышленности. Об этом убедительно свидетельствует расходная часть государственного бюджета СССР за рассматриваемый период. Финансирование народного хозяйства составляло (в млрд руб.): в 1940 г. – 58,3; в 1945 г. – 71,8; в 1948 г. – 149,6 и в 1952 г. – 179,2, военные расходы за указанные годы – соответственно (в млрд руб.): 57,8; 143,1; 66,3 и 112,3. Однако из-за засекреченности необходимых данных и отсутствия научно апробированных методик до настоящего времени остается открытым вопрос, как отделить друг от друга и выразить в стоимостных и натуральных величинах гражданскую и военную продукцию. Если учесть, что значительная часть отраслей народного хозяйства была непосредственно связана с развитием военно-промышленного комплекса, то следует, что действительные расходы на оборону были больше тех, которые учитывались в государственном бюджете по графе "военные расходы".

Как видно из приведенных цифр, расходы на народное хозяйство значительно увеличились после реформы 1947 г., т.е. именно промышленность получила многомиллиардные суммы, выкаченные из народа с помощью денежной реформы. В связи с завершением войны и перестройкой народного хозяйства на мирные рельсы резко сократились огромные военные расходы. Так, за 1944–1946 гг. объем военной продукции сократился на 59,5 млрд руб., а объем гражданской продукции за эти же годы вырос на 21,3 млрд руб. Однако этот рост не смог компенсировать свертывания производства военной продукции, в результате чего произошло общее снижение уровня промышленного производства в 1945–1946 гг. В последующие годы в связи с разгаром "холодной войны" и разработкой новых видов оружия, требующих колоссальных материальных, людских и денежных средств, расходы на оборону за 1948–1952 гг. выросли почти вдвое.

С 46 млрд до 123 млрд руб. увеличилось за 1945–1952 гг. финансирование социально-культурных мероприятий, но в отдельные годы ассигнования по этой статье бюджета производились в меньших размерах, чем были установлены плановыми показателями. Так, проект бюджета на 1951 г., направленный Сталину на рассмотрение, предусматривал увеличение финансирования просвещения, искусства, социального обеспечения и других культурных мероприятий на 6% по сравнению с предшествующим годом, а обороны – на 23%. Непрерывно росли в послевоенный период расходы на содержание органов управления, суда, прокуратуры, МВД и МГБ. В 1952 г. они составили 35,5 млрд руб.

Распределение бюджетных средств соответствовало послевоенной стратегии советского руководства, претензиям СССР на роль одного из мировых лидеров. Однако экономические возможности нашей страны не могли в этот период обеспечить потребности такого курса. Советская экономическая модель, основанная преимущественно на ручном труде[31] с его низкой производительностью, жестком государственном контроле всех сфер производства, принудительном свертывании рыночной торговли и жестком контроле ценообразования – эта модель рано или поздно должна была исчерпать себя. Главное же заключалось в том, что основная часть доходных статей бюджета представляла собой прямые, а также косвенные налоги с населения, что резко понижало уровень потребления в СССР, не позволяло широко использовать материальные стимулы к труду и, в конечном счете, обрекало нашу экономику на низкую эффективность в сравнении с западной.

Главный источник доходов госбюджета – налог с оборота – в 1940 г. составлял 105,9 млрд руб. (вся доходная часть бюджета 180,2 млрд руб.), в 1952 г. – 248,6 млрд руб. при общем доходе бюджета в 496,8 млрд руб.

Возросли не только прямые налоги с населения (подоходный, сельскохозяйственный, налог на холостяков), но и так называемые добровольные платежи – госзаймы, которые распространялись среди граждан в принудительном порядке. За 1940–1952 гг. общая сумма налогов с населения и госзаймов выросла с 20,9 млрд до 90,3 млрд руб., т.е. более чем в 4 раза.

Неудивительно, что реальная заработная плата у большинства горожан была низкой. По сведениям ЦСУ СССР, за июнь 1946 г. полностью получили заработную плату 24 млн рабочих и служащих страны из 30,6 млн рабочих и служащих, числящихся в 1946 г. во всех отраслях народного хозяйства. Из этого числа 5,6% получили до 100 руб. (учитывался фактический размер оплаты, а не ставка или оклад); 9,2% – от 101 до 150 руб.; 10,7% – от 151 до 200 руб.; 8,8% – от 201 до 250 и 8,7% – от 251 до 300 руб. Летом 1946 г. стоимость месячного продовольственного пайка составляла в среднем: для рабочего Москвы – 116 руб., рабочего-угольщика, питающего-

ся по повышенным нормам, – 206 руб., инженерно-технического работника – 136 руб. Следовательно, почти 40% рабочих и служащих страны имели такой фактический заработок в месяц, из которого половина и более всей суммы должна была пойти на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму. Мы не имеем в виду тех, чей заработок составлял менее 100 руб. в месяц. Лишь треть рабочих и служащих страны получала в этот период от 300 до 600 руб.

Еще ниже была оплата труда сельских тружеников[32], которая, как уже отмечалось, не носила гарантированного характера.

Важно понять, что низкая оплата труда в СССР и тяжелые материальные условия жизни – это не только плата за нарушение экономических законов (в частности, принципа материальной заинтересованности производителя), но это еще и особая правительственная политика, благодаря которой народные массы были поставлены в особые условия выживания. Государству, если судить о его экономической политике по результатам, выгодно такое состояние общества, потому что озабоченное только выживанием, общество не способно мыслить о чем-либо еще. Задача партийной идеологии – не дать массам понять, что тяжелые условия жизни созданы для них искусственно, чтобы сделать "индустриального бойца" подвластным воле верхов. Именно сфера потребления, этот "остаток", которому государство уделяло минимум внимания и средств, все время подводил социалистических стратегов в их прогнозах.

Экономическая политика государства прямым образом отразилась на народонаселении страны. Численность населения СССР изменилась следующим образом (на начало года, млн человек): 1941 г. – 198,8; 1946 г. – 170,6; 1950 г. – 178,5 и 1953 г. – 188,0. Безусловно, огромные потери в войне сказались на послевоенном демографическом развитии СССР. Но не только они, не меньшее влияние на рост численности населения оказывала государственная политика.

Так, ежегодный естественный прирост сельского населения до войны значительно превосходил соответствующий показатель в городах. Та же тенденция, хотя и в меньших размерах, сохранилась и в послевоенные годы. При этом численность городского населения СССР выросла за 1946–1953 гг. с 58 млн до 80,2 млн человек, а сельского сократилась с 112,5 млн до 107,8 млн человек. Главная причина заключалась в том, что подавляющая часть подрастающего поколения убегала из деревень в города. Использовались все существующие тогда способы, позволяющие преодолеть паспортные ограничения: уход по оргнабору, отъезд на учебу, служба в армии, замужество и пр. Бегство наблюдалось в те годы, когда деревня испытывала усиление государственного гнета.

Особенно отрицательно воздействовал на демографическую ситуацию в стране голод, начавшийся с засухи 1946 г. и продолжавшийся до 1948 г.[33] Прямые потери от голода в первый год после засухи составили в 1947 г. 770,7 тыс. человек[34]. Больше всего погибло населения (в 1947 г. по сравнению с 1946 г.) в Молдавии, на Украине и в отдельных районах РСФСР. Среди них: Астраханская, Воронежская, Ростовская, Грозненская, Курская, Вологодская, Крымская, Читинская, Челябинская, Ярославская, Кемеровская, Иркутская области, Краснодарский и Алтайский края, а также Бурят-Монгольская и Башкирская АССР. Перечислены только те территории, на которых статорганы зафиксировали в 1947 г. резкий рост – в 1,5 раза и более – количества смертей по сравнению с 1946 г. Указанная территория значительно превышала ту, на которой, согласно официальным правительственным сводкам, в 1946 г. разразилась засуха. А это значит, что отнюдь не погодные условия унесли сотни тысяч людей. Вина за это в большей степени лежит на власти, не позаботившейся вовремя о продовольственном обеспечении населения голодающих районов[35].

Курс партии на первоочередное восстановление промышленности, лучшие условия городской жизни в сравнении с сельской – гарантированный заработок, карточное снабжение, а также возможности получения высшего образования и большей социальной продвижки – вот те факторы, которые способствовали более быстрому восстановлению и росту численности городского населения в сравнении с сельским.

Для сталинского руководства ценность представляли не те сотни тысяч и миллионы людей, явившиеся непосредственными жертвами непосильного для многих восстановления народного хозяйства, а тот факт, что, несмотря на все понесенные в послевоенные годы жертвы, численность населения СССР медленно, но неуклонно росла.

Идущие одна за другой две "жатвы смерти" – война и послевоенный голод – подорвали жизненные силы страны, народ так до конца и не оправился от этих потрясений.

Как показывает проведенный анализ, истинные цели советской послевоенной политики – распространение влияния советской системы, советского общественного строя на весь мир. Экономическая база СССР должна была обеспечить эту цель, сделать ее достижимой в реальной исторической перспективе. Отсюда задача первоочередного развития военно-промышленного комплекса, тройного увеличения довоенного уровня промышленного производства, накопление огромных материальных ресурсов на случай новой мировой войны. Для народа реализация целей советской верхушки обернулась голодной смертью сотен тысяч людей, резким падением уровня жизни.

Подведем некоторые итоги. Показатели промышленного развития – суть символы общественного прогресса страны, но только в том случае, если существует прямая связь между целями общества – отдельного трудового коллектива – индивидуума. Можем ли мы ут-

верждать, основываясь на приведенных фактах, что такая связь существовала в Советском Союзе после второй мировой войны даже с учетом победы, на время объединившей советское общество? Город и деревня по-прежнему продолжали быть насильственно разделены – непреодолимым барьером для многих сельских жителей на пути в лучшую, городскую жизнь стали незыблемые нормы паспортного законодательства. Характерным штрихом политики в этой области стало отклонение в 1949 г. на Бюро Совмина СССР предложения МВД о распространении паспортной системы на сельское население[36].

Своей ценовой политикой государство разоряло деревню, заставляло ее нести основную тяжесть налогового гнета для первоочередного развития тяжелой промышленности. В этом видятся нам главные истоки медленного, но неотвратимого разорения села, деревенского образа жизни и мировоззрения, превращения земледельца в наемного рабочего с "пролетарской" психологией. Принудительное снижение цен на товары массового спроса – это сверхэксплуатация деревенских жителей для получения государством сверхприбылей, изъятых без каких-либо, пусть даже минимальных государственных капвложений, одним росчерком пера Сталина. Это также дополнительное разделение советского общества, потому что то, что для сельчан было бедой, для горожан – благом. Пока существовала экономическая модель, основанная на сверхэксплуатации и сверхприбылях, до тех пор продолжался экономический рост страны. Неразрешенность аграрно-крестьянского вопроса в России советскими методами – один из главных факторов распада СССР.

Точно так, как отсутствовала связь между целями отдельных групп советского общества – городским и сельским населением – отсутствовала она между целями трудового коллектива и индивидуума. В колхозе оплата труда колхозника не стояла в прямой зависимости от результатов, достигнутых общественным хозяйством. Более того, как показала послевоенная практика, передовые колхозы зерновых районов страны после выполнения государственных планов получали повышенные дополнительные задания, что вело к обнищанию этих хозяйств[37]. И в промышленности оплата труда ее работников не была связана с конечными результатами деятельности отдельного предприятия, поскольку, как отмечалось выше, доходы всех предприятий социалистического сектора изымались государством через налог с оборота, размер которого устанавливался им произвольно. Помимо этого, разница в уровне оплаты рабочих одной и той же квалификации, работающих в разных отраслях народного хозяйства, зачастую была более существенной, чем в оплате труда рабочих разной квалификации внутри одной отрасли. Подобным способом государство искусственно поддерживало уравнительное соотношение в оплате труда, чтобы можно было дополнительно регулировать рабочие потоки, направлять их в отрасли народного хозяйства, зарекомендовавшие себя тяжелыми условиями производства. Уравниловка в оплате вела к такой же уравниловке в потреблении и в целом способствовала закреплению в общественном сознании населения достаточно устойчивых представлений о справедливости общественного строя в СССР.

Как показывают современные исследования, в условиях отсутствия в Советском Союзе специальных институтов гражданского общества, позволяющих цивилизованным образом разрешать социальные конфликты между властью и народом, роль подобных регуляторов выполняли различные формы стихийного протеста населения[38]. В послевоенный период, учитывая масштабы и тяжесть сталинских репрессий против всех социальных слоев страны без исключения, главной формой социального протеста стало отрицательное отношение к общественному труду, выраженное преимущественно в форме прогулов, опозданий на работу, низкой трудовой дисциплины, уклонения от колхозных работ. Сопротивление носило, как правило, пассивный характер, открытые формы были крайне редки, они подавлялись быстро и жестоко.

О принудительном характере труда в СССР свидетельствуют следующие цифры: в 1950 г., по данным ЦСУ СССР, самовольно оставили работу в промышленности и строительстве 321,7 тыс. человек, совершили прогул 869,8 тыс. В среднем в сфере промышленности, строительства и железнодорожного транспорта текучесть кадров составила за четвертую пятилетку 10–16%[39]. Сходное положение наблюдалось в деревне – в 1946 г. не выработали минимума трудодней 18,4% всего трудоспособного колхозного населения страны. И это несмотря на то, что после войны сохранилось антинародное трудовое законодательство военного времени. Приведенные цифры опровергают расхожие мнения о трудовом энтузиазме советских людей после войны, связанном с настроением победителей. Следует также помнить, что в начале 1950-х годов в СССР числилось около 2,5 млн заключенных и 2,8 млн спецпоселенцев. Общая вовлеченность лагерного населения в общественно-полезный труд была выше, чем у гражданского населения на воле. Советская модель экономического развития основывалась на принудительном труде, что в первую очередь определяло ее низкую эффективность.

Послевоенный рост промышленности, о котором наша пропаганда сообщала как об очередном успехе советской экономической политики, *не привел ни к каким структурным изменениям ни в экономике, ни в обществе.* Успешная реализация атомного проекта ложилась тяжелым бременем на неэффективную советскую экономику, еще более усугубляла разрыв между военно-промышленным комплексом и гражданскими отраслями. Система управления экономикой, самих экономических институтов после войны росла и усложнялась, но это не помешало СССР "проспать" научно-техническую революцию[40]. Желанная цель советской экономи-

ки – догнать передовые капстраны в области высоких технологий – оказалась недостижимой. Все технические новинки внедрялись в промышленное производство максимально медленно и при максимальных социальных затратах. Высокотехнологичные отрасли и предприятия сосуществовали рядом с архаичным производством, что оказывало непрерывное давление на основы отечественной экономики. Низкий профессиональный уровень рабочих, неразвитая структура, преобладание ручного труда, нищенская зарплата – характерные черты "скупой" экономики или, по меткому выражению выдающегося французского экономиста Ф. Перру, экономики "ничто за ничто". Сталин достиг предела, решая неотложные задачи экономической политики целиком и полностью внеэкономическими методами. "Размораживая" сталинскую систему в ходе проведения курса на либерализацию страны, Хрущев лишал систему ее главных внутренних "скреп" в виде страха и принуждения. Иллюзии в отношении возможности реформирования советской системы были окончательно изжиты только к концу горбачевского правления; до этого они составляли важную черту политического мировоззрения многих представителей сталинской правящей элиты – Берия, Маленкова, Хрущева, Косыгина. Другое крыло советского руководства – в лице Кагановича и Молотова – видело в реформах отход "от марксистско-ленинского курса политики партии", ее ревизию. Либерализация вела к утрате господства государства над обществом, но и общество, привыкшее только подчиняться государственной воле, не имело ясных нравственных гражданских ориентиров и было непредсказуемо.

[1] *Абалкин Л.И.* и др. Вопросы экономической политики КПСС на современном этапе. М., 1971. С. 6. Эта работа – одна из немногих на данную тему, поскольку большая часть трудов экономистов посвящена истории экономики или истории экономических учений. Большинство экономистов под экономической политикой понимают определенную степень воздействия государства на экономику; при этом, как правило, во многих работах отсутствует конкретный анализ целей и результатов экономической политики. Такая черта присуща и историческим исследованиям. Назовем еще одну особенность, подмеченную современными учеными: если западные экономисты в основание своих общетеоретических построений закладывали "реально функционирующие экономики", то советские поступали противоположным образом – реальная экономика России "подтягивалась" под доктринальные установки. В целом это "наследие" не изжило себя и сегодня. По данному вопросу см.: *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX веках. М., 1998; *Кудров В.М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997 и др.

[2] Курс переходной экономики. М., 1997. С. 39.

[3] Там же. С. 6, 79, 117 и др.

[4] См.: *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993; *Он же.* Государственный террор в советской России // Отечеств. архивы. 1992. № 2. С. 20–31; *Он же.* Голод и государственная политика

(1946–1947 гг.) // Отечеств. архивы. 1992. № 6. С. 36–60; *Он же.* Паспортная система в СССР. 1932–1976 // Социологические исследования, 1995. № 8, 9; *Он же.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е гг. // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. № 3, 4; *Он же.* Советские лидеры об экономических проблемах социализма // Власть и общество России. XX век. М.; Тамбов, 1999. С. 341–352; *Он же.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000.

[5] Здесь используются некоторые выводы современной науки по данной проблеме. См.: *Масловский М.* Политическая социология бюрократии. М., 1997.

[6] Так, в январе 1927 г. Сталин раскритиковал проект резолюции для Политбюро по вопросу снижения цен на промтовары, подготовленный видным партийным деятелем Рудзутаком, и признал его непригодным только потому, что в проекте не было ни одного слова о парторганизациях. "Весь проект носит характер советского закона, а не партийной директивы", – констатировал недовольный Сталин. В его представлении по самому существу дела советский закон и партийная директива имели разную силу управленческого воздействия. См.: РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 62. Л. 57–62 об.

[7] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 29. Д. 33. Л. 19–20, 96–99.

[8] Специально об этом см.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998; *Левин М.* Номенклатура – источник гибели Империи // Куда идет Россия? М., 1997. С. 69–76.

[9] Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998. С. 26, 33, 379 и др.

[10] Специально об этом см.: *Попов В.П.* Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е гг. // Отечеств. история. 2000. № 2. С. 49–66.

[11] Западная историография в качестве объяснения важнейших факторов, лежащих в основе динамики развития ряда государств, нередко называет феномен "наверстывания". Его суть сводится к тому, что страна, правительство которой проводит активную политику индустриализации и модернизации примитивной экономики, демонстрирует темпы развития настолько высокие, насколько было велико ее отставание по сравнению с группой лидирующих стран. Они признают, что динамика наверстывания была характерна и для СССР, вынужденного ликвидировать последствия революции и двух мировых войн. Специально об этом см.: *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики. 1945–1990 / Пер. с фр. М., 1994. С. 32–39, 180.

[12] Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия). 12–19 марта 1946 г., Стеногр. отчет. М., 1946. С. 359–361.

[13] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1127. Л. 18–23.

[14] Там же. Оп. 3. Д. 346. Л. 1–24.

[15] В 1950 г. Госплан СССР по заданию правительства проверил сообщение ЦСУ о том, что "промышленность СССР досрочно, за 4 года и 3 месяца, выполнила пятилетний план по валовой продукции промышленности". Госплан пришел к выводу, что по основным отраслям тяжелой, легкой и пищевой промышленности уровень производства валовой продукции, намеченный расчетами пятилетнего плана на 1950 г., не был достигнут и составил 91,6% от плана, а по прочим министерствам и ведомствам был превзойден на 28,6%.

[16] В январе 1953 г. Сталин получил от ЦСУ справку о ходе выполнения директив по пятому пятилетнему плану. По ряду важнейших отраслей народного хозяйства (производство чугуна, стали, проката, электроэнергии) среднегодовые темпы прироста опережали плановые. Значительное невыполнение

плановых заданий наблюдалось в производстве крупных металлорежущих станков, а также в производстве зерновых и мяса, т.е. сохранялось технологическое отставание Советского Союза от западных стран и столь же хроническое отставание в производстве продуктов питания. См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 54. Д. 106. Л. 169–174.

[17] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 44.

[18] Там же. Л. 3–41.

[19] В молотовском экземпляре доклада Н.С. Хрущева "О культе личности и его последствиях" приведенная нами цитата подчеркнута Молотовым несколько раз, что подтверждает, как остро реагировали сталинские сподвижники на отведенную им роль статистов. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 164. Л. 25.

[20] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 123. Л. 10–11. Еще в 1915 г. В.И. Ленин следующим образом разъяснял лозунг "Соединенных Штатов Европы" в связи с острой дискуссией по этому вопросу, которая развернулась на конференции заграничных секций РСДРП: "Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний ⟨...⟩ При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств ⟨...⟩ Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашения *европейских* капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе" (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 353–354). Как видно из приведенных цитат, оба вождя, каждый в конкретной исторической ситуации, рассматривали экономический союз капиталистических держав как средство подавления социализма. Сталин, безусловно, учитывал призыв Черчилля к созданию после войны "братского союза англоязычных народов" (выражение из знаменитой фултонской речи), острие которого было направлено против СССР, подготовку США плана Маршалла, который под видом экономической помощи Европе создавал мощный бастион против "советского экспансионизма", другие внешнеполитические шаги ведущих западных держав. "Холодная война" вовлекала в свою орбиту все большее число участников, что, видимо, дало Сталину основание говорить о "мировом правительстве".

[21] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 123. Л. 34.

[22] Об этом см.: *Попов В.П.* Советские лидеры об экономических проблемах социализма // Власть и общество России. XX век. С. 341–352.

[23] *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 569–572.

[24] Цит. по: *Попов В.П.* Советские лидеры... С. 347.

[25] В январе 1953 г. по заданию Сталина Хрущев и Шепилов дали свое заключение на письмо Ярошенко в Президиум ЦК КПСС от 20 декабря 1952 г., в котором его автор пытался отстоять свои взгляды, высказанные в ходе дискуссии с критикой Сталина. Оба определили позицию Ярошенко как "антипартийную", он был исключен из партии за отказ "раскрыть свои антипартийные связи" и арестован по специальному решению Бюро Президиума ЦК.

[26] Архив президента РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 148. Л. 163. (Далее: АПРФ).

[27] *Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973. С. 231–233.

[28] АПРФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 19. Л. 65–84.

[29] Следует учитывать, что еще в 1946 г. в связи с засухой, правительство резко повысило пайковые цены на продукты и промтовары. Так, цена на ржаной хлеб выросла с 1,10 до 3,40 (в руб. и коп. за 1 кг), мяса – с 12 до 30, сахара с 6 до 12. Одновременно были несколько снижены высокие коммерческие цены, что всячески восхвалялось пропагандой. Однако основная масса населения

отоваривала свои карточки по пайковым ценам, которые существенно возросли. Чтобы несколько компенсировать людям повышение цен, была повышена зарплата. И здесь государство оказалось в выигрыше: доходы от повышения цен на товары, продаваемые по карточкам, должны были составить в год 65 млрд руб., а расходы на повышение зарплаты рабочим и служащим – 43 млрд руб. См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 43. Д. 72. Л. 24.

[30] Известный экономист В.Т. Рязанов, например, пишет: "Главным долгосрочным результатом реформы стало то, что фактически на 15 лет (до конца 50-х гг.) удалось сохранять товарно-денежную сбалансированность и в целом обеспечить стабильность цен. Денежная реформа опять выступает как предваряющий этап в проведении рыночных по своему духу преобразований в режиме сохранения устойчивого и высокого экономического роста". См.: *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 46–47.

[31] По данным ЦСУ СССР, в 1947 г. из 5,1 млн учтенных промышленно-производственных рабочих 3,2 млн человек, или 63% ко всей численности, были заняты на работах, производимых только ручным трудом. Еще более высоким (до 86%) было применение ручного труда на строительных и монтажных работах.

[32] Даже спустя пять лет после окончания войны (1950 г.) до половины всех колхозов страны выдавали на 1 трудодень не более 1 кг зерна; около четверти – вообще не выплачивали деньги на трудодни, а 30% колхозов выдавали на трудодень не более 40 коп. Рост налогов на личные хозяйства колхозников увеличивал число недоимщиков; значительная часть недоимок числилась за семьями вдов и хозяйствами престарелых.

[33] О влиянии голода на демографическое развитие Российской Федерации см.: *Попов В.П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 76–94; *Он же.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е гг. // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 3–15; 1996. № 3. С. 91–103; № 4. С. 58–66.

[34] Наши сведения корректируют оценки некоторых современных историков, которые полагают, что в СССР "с 1946 г. по 1948 г. включительно от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемий тифа, погибло около 2-х млн чел." См.: *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 гг. М., 1996. С. 11.

[35] За 1946–1950 гг. государственный резерв хлеба в стране вырос с 10 млн до 21 млн т, выросли и урожаи, но зато сократилась доля зерна, идущего на оплату труда колхозников. За 1946–1950 гг. из страны на экспорт ушло около 10 млн т зерна, что было вполне достаточно для того, чтобы избавить от голода миллионы собственных граждан.

[36] С учетом задач, стоящих перед МВД, переход к сплошной паспортизации взрослого населения страны сулил немалые выгоды, в первую очередь с точки зрения более полного контроля за жизнью каждого члена общества. Интересы советского государства, озабоченного тем, чтобы "держать и не пущать" сельское население в город из-за острой нехватки трудовых ресурсов в деревне, требовали сохранения прежней системы. И с позиций управления следовало все оставить как и раньше, ведь управлять разделенным и неравноправным обществом легче, чем единым.

[37] Если в 1945–1950 гг. по СССР лишь половина всех колхозов выполняла государственные планы поставок хлеба, то в зерновых районах (на Алтае, Куба-

ни, Ставрополье, Тамбовщине, Украине) процент выполнения планов был еще ниже.

[38] См.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. Ряд исследователей полагают, что в Советском Союзе гражданское общество не было создано.

[39] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 36. Л. 24–35.

[40] На июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС советское руководство открыто признало увеличивающийся разрыв в технологическом отставании экономики СССР от ведущих капиталистических стран. В печати не были опубликованы многие критические замечания из выступлений Первухина, Тевосяна, Косыгина, Кагановича, Маленкова, в которых говорилось о низком техническом уровне отечественной энергетики, непроизводительных простоях в черной металлургии и нефтяной промышленности, сохранении устаревшего станочного парка, низком уровне производительности труда и др. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2717. Л. 234–254.

СТРУКТУРА СОВЕТСКОГО ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

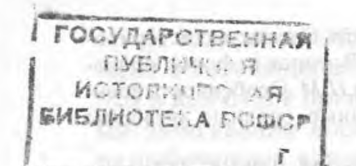
Н.С. Симонов

(Москва)

Структура советского ВПК скрыта за нагромождениями связей с другими структурами – политическими (ЦК КПСС), военными (армия и флот), военно-политическими (органы внутренних дел и Государственной безопасности), административно-хозяйственными (Госплан, Госснаб, министерства и ведомства), каждая из которых, в пределах своих полномочий, выполняла специальные функции по укреплению военно-экономического потенциала СССР. В своей совокупности эти структуры представляли административное ядро государственной военно-мобилизационной системы, нацеленной на превращение всей страны в случае войны в слаженный оборонный комплекс.

В разных исторических условиях состав учреждений, ответственных за формирование государственного оборонного комплекса, претерпевал изменения. Скажем, в 1957 г., кроме Министерства обороны СССР и Министерства оборонной промышленности СССР, непосредственно выполняющими "оборонные" функции, считались: Министерство авиационной промышленности СССР, Министерство судостроительной промышленности СССР, Министерство радиотехнической промышленности СССР, Министерство среднего машиностроения СССР, КГБ при СМ СССР, Государственный комитет по использованию атомной энергии, Главное управление государственных материальных резервов, Главное инженерное управление Государственного комитета по внешнеэкономическим связям, Главспецстрой при Госмонтажспецстрое, организация п/я № 10, ДОСААФ, ЦК "Динамо" и Всеармейское военно-охотничье общество. Центрами их стратегического и оперативного управления являлись Совет обороны СССР и Комиссия по военно-промышленным вопросам при Президиуме Совета Министров СССР.

В Советском Союзе, как правило, никогда не делали большого различия между объективной отраслевой организацией общественного производства и волевым, административным комбинированием производственных единиц в отрасли административно-хозяйственной системы управления. Поэтому укоренилось представление о том, что военно-промышленный комплекс – совокупность отраслей общественного производства.

СОДЕРЖАНИЕ

I
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В 1917–1930-х ГОДАХ

II
СССР: ОТ ПОБЕДЫ ДО КРУШЕНИЯ

III
ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ